HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	«Беглый казанский купчишка», назначенный супершпионом (неизвестные страницы биографии Абдурахмана Шафиева)
Author(s)	Ренат, Ирикович Беккин
Citation	Acta Slavica Iaponica, 47(1), 87-108
Issue Date	2026
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/100351
Type	departmental bulletin paper
File Information	06_Acta47-1_Беккин.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 47, Issue 1, pp. 87–108

«Беглый казанский купчишка», назначенный супершпионом (неизвестные страницы биографии Абдурахмана Шафиева)[1]

Ренат Ирикович Беккин

Abstract

Казанский купец Абдурахман Шафиев (1885–1954) более известен в научной литературе как Шафи Алмас, глава созданной в годы Второй мировой войны организации военнопленных татар и башкир. Однако биография Шафиева может быть интересна исследователю не только благодаря военным сюжетам. Этот человек был одной из ключевых фигур в нескольких крупных сфабрикованных политических делах против татарской национальной элиты в конце 1920-х – середине 1930-х гг. Связь с Шафиевым выступала одним из основных пунктов обвинения в делах Хади Атласи, Газиза Губайдуллина, Баки Урманче, Галимзяна Шарафа и других людей, живших в разных городах Советского Союза. На основе материалов групповых архивно-следственных дел автор реконструирует биографию Шафиева в 1920-е гг.

Keywords: Абдурахман Шафиев, Шафи Алмас, легион «Идель-Урал», НКВД, ОГПУ, турецкое посольство в Москве, Идель-Уральские комитеты, Мирсаид Султан-Галиев, Хади Атласи.

Имя Абдурахмана Шафиева (1885–1954) обычно встречается в публикациях, посвященных деятельности легиона «Идель-Урал»[2] в годы Второй мировой войны и судьбе татарского поэта Мусы Джалиля.[3] Абдурахман

1 Автор выражает благодарность Ильясу Мифтахову за помощь с материалами на турецком языке при работе над статьей.

2 Легион «Идель-Урал» (Волго-татарский легион) — воинское подразделение, созданное в структуре вооруженных сил нацистской Германии в период Второй мировой войны. Легион комплектовался главным образом из представителей народов Поволжья и Урала: татар, башкир, чувашей и др.

3 *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». М: Вече, 2009. С. 188–189, 231–240 и т. д.; *Гилязов И.А.* Шафи Алмас — личность и судьба // Научный Татарстан. 2010. № 3. С. 106–114; *S. Cwiklinkski*. *Wolgatataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs* (Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2002), S. 40–44, 58–59 и др.

Шафиев (известный также как Шафи Алмас)[4] возглавлял «Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала», т.е. был фактическим руководителем организации военнопленных тюрко-татар в Германии. При его содействии Муса Джалиль стал ответственным за культурно-просветительскую работу в легионе «Идель-Урал». Поэт несколько месяцев жил в доме Шафиева в Берлине.

В советской пропагандистской книге «Лица и маски» Шафи Алмас предстает как «беглый казанский купчишка», «продажный», «безвольный» и «малограмотный», готовый ради выгоды служить кому угодно: англичанам, туркам, немцам.[5] Авторы книги не задаются вопросом, как такой ничтожный, по их мнению человек, мог быть назначен немцами на ответственный руководящий пост, требовавший от претендента, помимо прочего, блестящих организаторских способностей и умения вести за собой людей.[6]

Профессиональные историки более осторожны в своих оценках личности Шафиева. Так, ведущий российский специалист по легиону «Идель-Урал» Искандер Гилязов указывает, что «для оценки роли и места личности Шафи Алмаса, безусловно, недостаточно красок одного цвета».[7] Характеризуя Шафиева как лидера «татарского национального движения в Германии в годы войны»,[8] Гилязов, вместе с тем, отмечает, что «вряд ли его можно считать крупным идеологом или теоретиком — его публикации и выступления показывают, что во многом он повторял те положения татарского национального движения, которые были сформулированы еще в 1917–1920 гг. и которые мы можем без сомнения считать демократическими и прогрессивными».[9]

По мнению Гилязова, необходимо быть осторожными и в оценке коллаборационизма Шафиева: «Ни в коем случае нельзя его представлять как предателя и отщепенца, даже по той простой причине, что он покинул

---

4 И.А. Гилязов пишет, что употребление такого варианта псевдонима героя этой статьи, как Шафиев, присуще публицистическим работам, правильнее же называть его Шафи Алмасом (*Гилязов И.А.* Шафи Алмас — личность и судьба. С. 106). Позволю себе не согласиться с этой точкой зрения. Во всех встречавшихся мне официальных документах на русском языке, относящихся к 1920–1930 гг., употребляется именно такой псевдоним: Шафиев. В дальнейшем в этой статье я буду употреблять оба псевдонима в качестве синонимов.

5 *Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Лица и маски. 2-е изд. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. С. 46–47. О флегматичности и неактивности Шафиева, а также его склонности становиться объектом манипуляций пишет и Гилязов (*Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». С. 237).

6 Негативные характеристики, которые авторы книги «Лица и маски» дают Шафиеву, плохо сочетаются и с довоенной биографией этого человека. Подробнее об этом см. далее.

7 *Гилязов И.А.* Шафи Алмас — личность и судьба. С. 113.

8 Там же. С. 106.

9 Там же. С. 113.

Россию непосредственно после Октябрьской революции, не перешел на сторону немцев в годы Второй мировой войны».[10] Уместно также заметить, что Шафиев никогда не был гражданином СССР: вскоре после 1917 г. он стал турецким подданным. Таким образом, считать его предателем и изменником Родины не вполне корректно — по крайней мере, с формально-юридической точки зрения.

Остроту дискуссии о деятельности Шафиева в годы Второй мировой войны придает утверждение некоторых исследователей, что он мог работать на советскую разведку. Российский историк Салават Исхаков указывает на то, что по данным польской разведки, Шафиев получал от ОГПУ[11] инструкции по работе с представителями тюрко-татарской эмиграции, в частности, с Заки Валиди.[12] Цитату из документа Исхаков не приводит.[13] В упоминавшейся выше книге «Лица и маски» содержится утверждение (не подкрепленное, правда, ссылкой на источники), что Шафиев работал на англичан и турок. В результате, перед нами предстает уже не «беглый казанский купчишка», пытавшийся извлечь лишь выгоду для себя из сотрудничества с немцами, и даже не политический деятель тюрко-татарской эмиграции средней руки, а разведчик-профессионал, работавший на несколько спецслужб[14] в течение, как минимум, двадцати пяти лет.

Насколько этот образ соответствует реальности, судить сложно. Как показала история другого татарского эмигранта Алимджана Идриси, циркулировавшие слухи о его сотрудничестве с советской разведкой не нашли прямого подтверждения. Обвиненный с подачи Гаяза Исхаки в работе на большевиков, Идриси несколько раз проверялся германским МИД и гестапо в 1930–1940-е гг., но уличить его в чем-либо не удалось.[15] Как в случае с Идриси, так и с Шафиевым, для полного понимания характера их отношений с советским государством в годы Второй мировой войны необходимо привлечение не только архивных материалов из Германии, Польши и др. стран, но и дополнительных источников из архивов

10 Там же. Гилязов ошибается. Шафиев окончательно покинул Россию в начале 1930-х гг.

11 Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) — специальный орган государственной безопасности в СССР в 1923–1934. Создано на базе Государственного политического управления при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР.

12 *Исхаков С.М.* Ахмед-Заки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 150.

13 В настоящее время документы из фонда 308к (2-й отдел Генерального штаба Польши) в Российском государственном военном архиве исследователям не выдаются.

14 Авторы книги «Лица и маски» утверждают, что Шафиев был изначально сотрудником английской разведки, затем, вскоре после начала Великой Отечественной войны, был разоблачен немцами и перевербован (*Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Лица и маски. С. 47).

15 Подробнее об этом см.: *Гилязов И.А.* Судьба Алимджана Идриси // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1999. № 3/4. С. 157–172.

Федеральной службы безопасности (ФСБ) и Службы внешней разведки (СВР). Однако едва ли следует ожидать, что такая возможность будет предоставлена исследователям в ближайшее время.

Вместе с тем, биография Шафиева может быть интересна исследователю, изучающему историю СССР, не только благодаря военным сюжетам. Этот человек был одной из ключевых фигур в нескольких крупных сфабрикованных политических делах против татарской национальной элиты в конце 1920-х — середине 1930-х гг. Связь с Шафиевым выступала одним из основных пунктов обвинения в делах Хади Атласи (Атласова), Газиза Губайдуллина, Баки Урманче, Галимзяна Шарафа и других людей, живших в разных городах Советского Союза. Некоторые из них были приговорены к высшей мере наказания, другие — к разным срокам заключения.

Таким образом, изучение неизвестных ранее страниц биографии Абдурахмана Шафиева, относящихся к межвоенному периоду, поможет не только лучше понять происходившие перемены в его собственной судьбе в годы Второй мировой войны, но и послужит вкладом в изучение истории репрессий 1920–1930-х гг., в т.ч. в понимание механизмов фабрикации групповых дел.

Основными источниками при подготовке статьи для автора служили материалы архивно-следственных дел, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ (ЦА ФСБ) и Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ).

Мало у кого из исследователей возникают сомнения относительно важности и необходимости привлечения архивно-следственных дел при изучении политических репрессий в СССР и целого ряда других проблем советского периода истории нашей страны.[16] При работе с архивно-следственными делами необходимо учитывать, что помимо вымышленных сведений, в протоколах допросов могут упоминаться реальные разговоры и действия, которые в дальнейшем тенденциозно интерпретируются следствием.

Главная сложность при работе со сфабрикованными политическими делами — это зачастую отсутствие у исследователя других источников, с помощью которых он мог бы подтвердить или опровергнуть полученные данные. В такой ситуации помочь может сопоставление архивно-следственных дел разных лет в отношении этого же человека. Их детальный сравнительный анализ позволяет в ряде случаев выявить достоверные моменты в показаниях и отвергнуть сфабрикованные.

16 *Журавлев С.В.* Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика / Под ред. А.К. Соколова. М.: Высшая школа, 2004. С. 153–210; *Литвин А.Л.* Следственные дела как исторический источник // Эхо веков. 1995. № 5. С. 170–176; *Перемышленникова Н.М.* Архивное следственное дело как исторический источник и вопросы его использования в Центральном архиве ФСБ // ВА. 1999. № 4/5 (52/53). С. 227–230 и др.

Хотя Шафиев не проходил в качестве обвиняемого или свидетеля ни по одному рассматриваемому в этой статье делу, в показаниях других подследственных содержится немало сведений о нем. Сопоставляя данные о Шафиеве, полученные из разных, как связанных друг с другом, так и не связанных между собой архивно-следственных дел, мы можем извлечь оттуда некоторые важные детали биографии героя этой статьи. В дальнейшем часть их можно подтвердить с помощью других источников (например, история увольнения Шафиева из посольства Турции в Москве в 1927 г. подтверждается данными из турецких архивов и французской прессы).

Также метод сравнительного анализа использован мною при сопоставлении протоколов допросов, в которых упоминается Шафиев, со следственными материалами на других лиц, проходивших по делу султангалиевской контрреволюционной националистической организации 1928–1930 гг.[17] и делу Идель-Уральских комитетов 1936–1937 гг.

Изучение большого числа архивно-следственных дел, содержащих схожие обвинения (например, членство в татарской контрреволюционной националистической организации), позволяет не только уточнить и дополнить имеющуюся в распоряжении исследователя информацию об интересующем его лице или группе лиц, но и выявить некоторые методы фабрикации политических дел. Так, во главе мнимой националистической и/или шпионско-диверсионной организации или группы органами ОГПУ-НКВД нередко «назначался» человек, не проходивший в качестве обвиняемого по делу. Это мог быть либо эмигрант, давно проживавший за границей, либо беглец, скрывавшийся от правосудия, либо уже умерший человек. В деле Идель-Уральских комитетов было даже два таких «лидера»: Абдурахман Шафиев и Газиз Яушев. Последний был арестован в Ташкенте в 1934 г. и выбросился из окна во время одного из допросов.[18]

Поиск и сбор материалов из ведомственных архивов требует значительных усилий и времени. Однако эти издержки оправданы, поскольку позволяют за счет большого объема собранных данных составить более четкое представление о природе изучаемого архивно-следственного дела. Кроме того, просмотр (de visu) максимально возможного количества документов позволяет более точно верифицировать полученные сведения, особенно в тех случаях, когда материалы из ведомственных архивов являются единственным или основным источником информации об интересующем исследователя лице или группе лиц.

---

17 Далее: Дело султангалиевской организации.

18 В деле есть несколько косвенных указаний на то, что Яушев был секретным сотрудником НКВД (см., например: Дело о шпионско-диверсионной организации среди татар в СССР, созданной генеральными штабами иностранных государств // Центральный архив ФСБ. Д. Р-24811. Т. 34. Л. 232).

От Галиуллина к Шафи Алмасу

Прежде, чем перейти к интересующему нас периоду, уместно будет дать краткую биографию Абдурахмана Шафиева, тем более что значительная часть приводимых здесь сведений впервые вводится в научный оборот. Источниками для реконструкции биографии этой статьи служат как опубликованные работы (в т.ч. воспоминания дочери Шафиева Айсу Эринч),[19] так и материалы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ, Государственном архиве Республики Татарстан и Управлении государственного архива при Администрации Президента Турецкой Республики.

Абдурахман Гибадуллович Галиуллин родился в селе Дубъязы Алатской волости Казанского уезда Казанской губернии в 1885 г. До 1917 г. занимался торговлей в Оренбурге, Москве, Казани и других городах. В годы Гражданской войны Абдурахман продолжил коммерческую деятельность. По торговым делам подолгу находился в Волго-Уральском регионе, Крыму, на Кавказе и др. Предположительно около 1917 г. Абдурахман Галиуллин стал Абдурахманом Шафиевым. Этот псевдоним он взял по имени своего прадеда Шафи.

Когда точно Шафиев принял турецкое подданство, пока установить не удалось. В 1920 г. при поступлении на работу в посольство Турции в Москве он уже был поданным этой страны.[20] При этом он продолжал активно заниматься коммерческой деятельностью, в частности открыл мануфактурный магазин на Ильинке.[21] В 1920-е гг. Шафиев организует еще несколько коммерческих предприятий в разных городах России. Например, в начале 1920-х гг. он учреждает в Москве фирму «Восточный базар» в партнерстве с мужем своей сестры Хамидуллой Шарафутдиновым и меховщиком Заки Валиевым.[22] Также Шафиев в указанный период вел в Москве совместный бизнес с братьями Шарафами: Гильми и Бурханом.[23] Абдурахман выступил одним из организаторов общества «Руссо-Тюрк», созданного в 1923–1924 гг. и ликвидированного в 1927–1928 гг.[24]

---

19 Aysu Erinç, *Çocukluğumun Öyküsü: Rusya Almanya Türkiye Üçgeninde Savrulan Bir Aile*, (Istanbul: Everest Yayınları, 2009).

20 Не совсем понятно, какую должность в посольстве Шафиев занимал вначале. Скорее всего, он был секретарем и переводчиком. В 1926 г. он упоминается уже как атташе (Le Matin. 1926. 29, 30 octobre).

21 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930) // Центральный архив Федеральной службы безопасности (ФСБ). Д. Н-6169. Т. 19. Л. 118.

22 Там же. Л. 124.

23 По обвинению Даутова Ф. Ш. и др. (1936–1937) // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 8233. Архивно-следственные и фильтрационно-проверочные дела (1919–1956). Оп. 1. Д. 2-9521. Т. 4. Л. 169об.

24 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). Д. Н-6169. Т. 19. Л. 132 об.

В 1920 г. Абдурахман женился на Амине, дочери татарского купца Абдул-Хамида Казакова (1877–1937).[25]

С 1920 по 1928 г. Шафиев часто выезжает в другие города СССР и за границу: в Турцию, Германию. Около 1923 г. он покупает в Берлине большой дом за 6 000 руб.[26]

В 1927 г. Шафиев вместе с женой пытался нелегально провезти партию бриллиантов из Германии во Францию, но был задержан на границе. Товар был конфискован и для того, чтобы получить его обратно, Абдурахман должен был выплатить крупный штраф, в шесть раз превышавший их стоимость. Шафиев отказался это делать. Скандал с контрабандой получил огласку в прессе, и Абдурахман вынужден был уволиться из посольства.[27]

В 1928 г. Шафиев закрывает все дела в СССР и уезжает в сначала в Стамбул. Там он открывает «Экспортно-импортную контору Абдурахмана Шафиева». Главный офис конторы находился в Константинополе с отделениями в Одессе и Берлине.[28] После этого Абдурахман продолжает бывать в Москве, по одним данным — до 1930 г., по другим — до 1934 г. По утверждению тестя Шафиева Абдул-Хамида Казакова, его зять в 1929–1930 гг. «был здесь (т.е. в Москве. — Р.Б.) и если бывал за границей, то только в Турции)».[29]

В Германии Шафиев продолжает заниматься коммерческой деятельностью (в частности, производством обуви) и до начала Второй мировой войны активного участия в политической жизни не принимает. При этом он предоставлял часть помещений своего дома в Берлине для редакции журнала «Милли юл», издаваемого Гаязом Исхаки.[30]

В 1942 г. Шафиев (уже как Шафи Алмас) неоднократно посещает лагеря для военнопленных, где выбирает людей для сотрудничества с национальным комитетом «Идель-Урал», впоследствии известным как «Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала».[31] В конце 1942 г. Шафи Алмас становится руководителем этого комитета. Организационно-политическую работу Шафиев совмещает с литературно-публицистической. В 1943–1945 гг. он пишет для газеты «Идель-Урал», издаваемой «Союзом», руководит работой журнала «Татар әдәбияты» («Татарская литература»). В газете была опубликована, в частности, программная речь Шафи Алмаса, произнесенная им 3 марта 1944 г. на курултае представителей народов Идель-Урала в Грайфсвальде.[32]

25 Это был второй брак для Шафиева.

26 По обвинению Даутова Ф. Ш. и др. (1936–1937). *Д.* 2-9521. Т. 4. *Л.* 207.

27 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 19. *Л.* 132.

28 Там же. *Л.* 132 об.

29 Дело о шпионско-диверсионной организации среди татар в СССР, созданной генеральными штабами иностранных государств. *Д.* Р-24811. Т. 34. *Л.* 217.

30 Там же. Т. 9. *Л.* 41.

31 *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». С. 235.

32 Подробнее об этом см.: *Гилязов И.А.* Курултай в Грайфсвальде: «Мы боремся за единение народов Идель-Урала и за образование свободного национального государства» // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2000. № 3/4. С. 58–72.

Поняв, что крах нацистской Германии неизбежен, Шафиев в январе 1945 г вместе с семьей перебирается во Францию, а затем отправляется на пароходе из Марселя в Стамбул. В этом городе Абдурахман проведет остаток своей жизни: в 1954 г. он будет похоронен на стамбульском кладбище Зинджирликую (Zincirlikuyu). До конца дней Шафиев не оставлял занятия торговлей. После войны он открывает в Стамбуле ювелирный магазин на Гранд-базаре.

Выше я писал, что имя Шафиева неоднократно упоминается в связи с громкими политическими делами 1920–1930-х гг., однако я не указал это в приведенной краткой биографии нашего героя. Это не случайно. Ни по одному из этих дел Абдурахман Шафиев не был привлечен ни в качестве обвиняемого, ни в качестве свидетеля. Между тем, преступления, которые ему приписывались, карались по действовавшему в то время в СССР законодательству смертной казнью. Рассмотрим далее несколько примеров, когда Шафиев упоминается в материалах политических дел 1920–1930-х в качестве одного из главных акторов контрреволюционной деятельности, направленной на свержение советской власти и создание независимого тюрко-татарского государства «Идель-Урал».

Несостоявшаяся эмиграция Султан-Галиева

В 1928 г. ОГПУ начало дело султангалиевской контрреволюционной националистической организации. По нему проходили 77 человек, среди которых были писатели, советские и партийные деятели, муллы, коммерсанты, студенты, колхозники и др. Многие из этих людей лишь один или два раза случайно встречались с Мирсаидом Султан-Галиевым и едва успевали обменяться несколькими фразами, другие вообще не были знакомы с ним.

Меховщик Заки Валеев, в отличие от многих других своих однодельцев, с Султан-Галиевым был хорошо знаком. Они жили в одном доме, их жены дружили и часто бывали друг у друга. Валиев нередко предоставлял Султан-Галиеву свою квартиру, когда тому требовалось провести конфиденциальный разговор.[33] Так, дома у Валиева состоялись встречи Султан-Галиева с мусульманским богословом-реформатором Мусой Бигиевым (незадолго до ареста последнего в 1923 г.),[34] с педагогом и просветителем Хади Атласи и др.[35]

33 В дальнейшем это обстоятельство станет одним из ключевых пунктов обвинения против Валиева. Его квартира названа в материалах дела конспиративной.

34 Подробнее о деле Бигиева 1923 г. см.: *Беккин Р.И.* «Я имею смелость сказать громко, что … только мое учение может сблизить мир ислама с советской властью» (Архивно-следственное дело Мусы Бигиева 1923–1924 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116) // [https://history.jes.su/s207987840021687-4-1/] (дата обращения: 18. 07. 2026).

35 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 19. *Л.* 112.

В гостях у Валиева не раз бывал и Шафиев. Они были знакомы еще по Уральску. Там у них в 1918 г. был совместный бизнес, затем в 1920-е Шафиев и Валиев стали партнерами в фирме «Восточный базар» в Москве. В ноябре 1924 г, уезжая в очередной раз по делам в Берлин, Шафиев рекомендовал Валиева в качестве своего заместителя в турецкое посольство. Впрочем, Заки проработал там недолго, поскольку его не устроил оклад.[36] Отношения с Шафиевым и турецким посольством стали одним ключевых пунктов обвинения против Валиева.

Арестованный по делу султангалиевской организации, Валиев обвинялся, помимо прочего, в том, что при помощи Шафиева организовал встречу Мирсаида Султан-Галиева с турецким послом Мухтар-беем.[37] Сам Султан-Галиев в своих показаниях от 22 декабря 1929 г. писал, что встречу с Мухтар-беем устроил Заки Валиев, Шафиева же при этом он не упоминает вовсе. Дело было осенью 1923 г. Султан-Галиев, который несколько месяцев назад был арестован по политическому обвинению[38] и исключен из партии, всерьез думал об эмиграции. Он спрашивал Мухтар-бея, могут ли его принять в Турции. Посол ответил, что это возможно, если Султан-Галиев воздержится от антитурецких и антисоветских действий и высказываний.[39] Неизвестно, что повлияло на решение опального политика, но он передумал уезжать из России. Потом, весной 1924 г., Султан-Галиев вновь поставил тот же вопрос перед послом Турции во время встречи, организованной Валиевым. И вновь он передумал эмигрировать.[40] В дальнейшем Султан-Галиев встречался с Мухтар-беем еще два раза.[41]

Мирсаид перестал доверять послу после того, как Мухтар-бей обратился к нему с просьбой подготовить записку о современном политическом положении в России.[42] Султан-Галиев в присущей ему манере сначала дал согласие, а затем переменил свое решение. В этом эпизоде, наконец, возникает имя Шафиева как посредника между турецким послом и Султан-Галиевым. Мухтар-бей прислал Шафиева за запиской, но Мирсаид сказал, что она еще не готова.[43] Вновь назначенный посол Закия-бей якобы сам приглашал Султан-Галиева в посольство, но тот отказался прийти.[44]

Роль Шафиева здесь чисто техническая. Он выполняет поручение посла как своего начальника, а не просьбу оппозиционного политика, недавно выпущенного из тюрьмы и исключенного из партии. Однако тот же Султан-Галиев в дальнейшем пишет в своих показаниях, что через Валиева

36 Там же. *Л*. 125 об.

37 Там же. *Л*. 124 об.–125, 129.

38 Султан-Галиев был освобожден 14 июня 1923 г.

39 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д*. Н-6169. Т. 4. *Л*. 113–113 об.

40 Там же. *Л*. 114–114 об.

41 Там же. *Л*. 115 об.

42 Там же. *Л*. 116–117 об.

43 Там же. Т. 5. *Л*. 9 об.

44 Там же. *Л*. 118.

Шафиев передал ему предложение от имени тюрко-татарской эмиграции написать материал о национальной политике партии в Татарии.[45] Опытный Султан-Галиев, в окружении которого имелось немало сексотов,[46] увидел в этом провокацию со стороны либо белой эмиграции, либо ОГПУ, либо своих политических противников из числа татарских «левых», связанных с ОГПУ.[47]

В своих подозрениях относительно связи Абдурахмана с чекистами Султан-Галиев опирался на следующие данные. По его сведениям, в 1919–1920 гг. Шафиев в Баку контактировал с неким Алимовым, работавшим тогда в Азербайджане среди татарских коммунистов, затем встречался с ним в Москве.[48] По-видимому, речь идет об Абиде Алимове (1900–1935), специалисте по истории Турции, служившем во Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Султан-Галиев, склонный, как мы знаем, к шпионским играм, предложил Валиеву устроить Шафиеву проверку, но так, чтобы тот ни о чем не догадался. Заки эту задачу не выполнил по неизвестной причине.[49] Однако, возможно, Султан-Галиев все-таки заронил семена сомнения в душу Валиева. В апреле 1929 г. за несколько дней до ареста Валиева Шафиев предлагал ему заняться распространением журнала «Милли юл». Валиев категорически отказался. Если эта история с журналом — не плод фантазии следователя, то действия Шафиева выглядят как провокация. Человека, у которого нашли хотя бы один номер этого журнала, легко можно было обвинить в связях с тюрко-татарской эмиграцией и распространении антисоветской литературы. Шафиев не мог не понимать этого.

При этом Шафиев, по словам Султан-Галиева, после приезда из-за границы распространял сплетни о татарской эмиграции, которые «скорее ее дискредитировали».[50] Получается, с одной стороны, Шафиев предлагает

45 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 4. *Л.* 79 об.–80.

46 Сам Султан-Галиев перед освобождением из тюрьмы фактически дал подписку о негласном сотрудничестве с советской политической полицией: «В 1923 г. после прекращения дела по обвинению меня в антипартийной работе, мною добровольно, по требованию ОГПУ, была дана подписка в том, что я обязуюсь не вести впредь антипартийной… и антисоветской работы, а также доводить конспиративно до сведения органов ОГПУ обо всех фактах такой работы, если таковые мне тем или иным путем станут известны. Это добровольное обязательство я считал революционным долгом по отношению к ВКП и совласти, но я считал, что эта подписка не означает, что я этим самым становлюсь секретным сотрудником аппарата ГПУ» (По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 2. *Л.* 17). Возможно, именно это принятое Султан-Галиевым на себя обязательство повлияло на решение об его освобождении. Последовало ли за этим реальное сотрудничество опального политика с «органами», неизвестно.

47 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 5. *Л.* 80.

48 Там же.

49 Там же. *Л.* 80 об.

50 Там же. Т. 5. *Л.* 77 об.

Султан-Галиеву сотрудничать в татарской эмигрантской печати, а Валиеву позже распространять журнал «Милли юл», а с другой — нелицеприятно отзывается о татарах-эмигрантах.[51] Такое поведение явно не мотивировало иметь с ними дело.

В любом случае, искренне говорил Шафиев об эмиграции или лукавил, или даже вовсе не говорил, — все это не имело никакого значения для следствия. Людей по делу султангалиевской организации арестовывали просто за то, что они случайно оказались рядом с Султан-Галиевым или другим фигурантом дела, назначенным ОГПУ шпионом или контрреволюционером. Того, что говорилось в показаниях Султан-Галиева и Валиева, было более, чем достаточно для того, чтобы арестовать Шафиева.

Султан-Галиев был арестован 12 декабря 1928 г., Валиев — 14 апреля 1929 г., Шафиев приезжал в Москву и в 1929, и в 1930, и в 1931 и не тайком, не под чужим паспортом. Он не имел уже статуса сотрудника дипломатического учреждения, а был частным лицом. Так что формальных затруднений в случае его задержания или ареста возникнуть не могло. Шафиев останавливался в «Гранд-Отеле» в Москве и проводил там встречи с местными татарами. Не забывал он и о свиданиях с родственниками, среди которых были секретные сотрудники ОГПУ (в частности, женатый на его сестре Хамидулла Шарафутдинов). Иными словами, о приезде Шафиева в Москву ОГПУ просто не могло не знать. Однако никто и не думал арестовывать его.[52]

О том, что в планы ОГПУ не входил арест Шафиева, говорит один важный документ: «План составления обвинительного заключения по султангалиевскому делу».[53] Его автор — Яков Айзенберг, руководитель бригады следователей, занимавшейся этим делом. Обвиняемые в «Плане» разбиты на группы. Одна из групп называется «Связь с турками». Там упоминаются имена Заки Валиева, Баки Урманче, Хади Атласи и др.[54] О Шафиеве в документе не говорится ни слова.

В материалах дела султангалиевской организации нет упоминаний о том, что Шафиев давал кому-либо задания шпионского или диверсионного характера, но зафиксировано, что он — турецкий шпион. Таким образом, на вопрос кого-нибудь из подследственных, почему самого Абдурахмана

51 Согласно более поздним показаниям Султан-Галиева, данным им в 1938 г., Шафиев также распространял слухи и о некоторых видных представителях татарской общины Москвы и Ленинграда. Так, в частности, он якобы сообщил Султан-Галиеву, что богослов Муса Бигиев был секретным сотрудником ОГПУ (По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. (1937–1940) // Центральный архив Федеральной службы безопасности (ФСБ). Д. Р-38555. Т. 2. Л. 343).

52 Согласно показаниям Заки Валиева, за несколько дней до ареста он встретился в Москве с Шафиевым и сообщил ему об аресте Султан-Галиева (По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). Д. Н-6169. Т. 19. Л. 119).

53 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). Д. Н-6169. Т. 1. Л. 211-211, 214.

54 Там же. Л. 216.

не трогают, и он спокойно разгуливает по Москве, следователь мог сказать, что за этим человеком ведется наблюдение для выявления других его связей. Тем более, что связей среди намеченных к аресту лиц по делу султангалиевской организации у Шафиева было немало. Одним из таких знакомых был татарский ученый, педагог, бывший депутат Государственной думы Хади Атласи (1876–1938).

Подозрительные связи с иностранцами: Хади Атласи и Баки Урманче

Осенью 1919 г. Хади Атласи сошел на пристани в Порт-Петровске (ныне — Махачкала). К нему подошел неизвестный и представился Абдурахманом Шафиевым. Новый знакомый сообщил, что приехал из Крыма для закупки вин. Узнав, что Хади ищет в городе жилье, Шафиев вызвался помочь.[55] Он рекомендовал ученому местного татарского муллу Баязита.[56] У этого человека Атласи прожил до зимы 1919 г.

По другим данным, Атласи познакомился с Шафиевым в Баку в том же 1919 г.[57] Возможно, в памяти Атласи эта первая встреча с Абдурахманом смешалась со второй. Весной 1920 г. они действительно встретились в Баку. Шафиев только что вернулся из Энзели, куда он ездил по коммерческим делам.[58] Однако более ранние показания Атласи по делу султангалиевской организации дают несколько иное представление о характере деятельности Шафиева в Баку: «Первое время он ничем определенным не занимался, а затем с занятием Баку красными частями он был командирован турецкой миссией в Москву, для установления связи с советской властью».[59]

В конце 1921 или начале 1922 г. Атласи, который тогда уже снова жил в Бугульме, получил от Шафиева письмо с приглашением приехать в Москву. Хади ответил, что у него тяжелое материальное положение, и он не может позволить себе такое путешествие. Однако Шафиев продолжал зазывать его, обещая оплатить часть расходов. По рекомендации Абдурахмана Атласи остановился в Москве у его знакомого, старьевщика Тухвата. Шафиев купил Атласи обратный билет и дал деньги на покупку книг.[60]

В дальнейшем Атласи еще два раза бывал в Москве: в 1923 и 1926 г. Оба раза он приезжал к врачам — у него была болезнь уха. Также он хотел найти работу. В Бугульме как учитель школы второй ступени Атласи

55 По обвинению Даутова Ф. Ш. и др. (1936–1937). *Д*. 2-9521. Т. 2. *Л*. 41.

56 Возможно, имеется в виду уроженец Уфимской губернии имам Баязит Хайруллин (1871–1950).

57 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д*. Н-6169. Т. 1. *Л*. 90 об.

58 По обвинению Даутова Ф. Ш. и др. (1936–1937). *Д*. 2-9521. Т. 2. *Л*. 42.

59 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д*. Н-6169. Т. 19. *Л*. 90 об.

60 Атласи затем потратил эти деньги на покупку собраний сочинений Шиллера и Гете.

получал небольшую зарплату. Шафиев организовал ему встречу с послом.[61] Сначала Хади решил добиться встречи с послом самостоятельно, не поставив в известность Абдурахмана. Атласи не хотел обращаться к своему покровителю за помощью, так как тот мог увидеть в нем конкурента, претендовавшего на работу в посольстве. Но посол отказался принять Хади, и тот вынужден был обратиться за содействием к Шафиеву.[62]

Работы в посольстве для ученого не нашлось. Атласи спросил Мухтар-бея, что он думает о его переезде в Турцию и работе там. Посол ответил, что Атласи — слишком заметная фигура среди татар Советского Союза, и его отъезд вызовет у многих татар желание эмигрировать.[63] Посол расспросил Атласи о его работе в школе и о положении народного образования в Татарской АССР.

В следующий свой приезд в Москву в 1926 г. Атласи обратился к Шафиеву с просьбой организовать встречу с прибывшим в столицу министром просвещения Турции. Но министр не пожелал или не смог с ним встретиться.[64]

Эти контакты с Шафиевым и турецким посольством нашли отражение в следующей формулировке в материалах дела султангалиевской организации: «Атласи поддерживал подозрительную по шпионажу связь с деятелями Турции, информируя последних о положении народного образования в Татарии».[65] «Подозрительную по шпионажу связь» — это все, что смогли выжать из истории с Шафиевым следователи в 1929–1930 г.

После 1926 г. Атласи с Шафиевым больше не виделись. Однако ученый время от времени вспоминал своего покровителя.

В 1934 г. Атласи собирался отправить Абдурахману письмо с просьбой о материальной помощи, но передумал.[66] В 1935 г. Атласи познакомился в Казани с неким Садыком, работавшим продавцом в меховом магазине на улице Баумана. Оказалось, что этот случайный знакомый — родственник Шафиева. На следующий день, когда Атласи пришел в гости к Садыку, тот рассказал о жизни Абдурахмана в Берлине, прочитал вслух несколько его писем.[67]

---

61 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 19. *Л.* 89 об.–90.

62 Там же. *Л.* 89 об.

63 Там же. *Л.* 89 об.–90.

64 Там же. *Л.* 90. В показаниях Х. Атласи по делу Атласовской контрреволюционной националистической повстанческой разведывательной организации говорилось, что встреча с министром все-таки состоялась. Во время беседы Атласи якобы рассказал турецкому чиновнику о состоянии народного просвещения в СССР «с положительной стороны» (По обвинению Даутова Ф. Ш. и др. (1936–1937). *Д.* 2-9521. Т. 2. *Л.* 68–69).

65 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 19. *Л.* 102.

66 По обвинению Даутова Ф. Ш. и др. (1936–1937). *Д.* 2-9521. Т. 2. *Л.* 39.

67 Там же. *Л.* 39–40.

В 1937 г. в деле контрреволюционной националистической организации среди татар во главе с Атласи вновь всплывает фамилия Шафиева. Абдурахман уже не именовался рядовым турецким шпионом: он «дорос» до руководителя всесоюзной шпионско-диверсионной контрреволюционной националистической организации со штаб-квартирой в Москве. Следователи по делу Атласи развивали легенду о связи лидера организации и его сторонников с тюрко-татарской эмиграцией за рубежом. Как и в случае с Султан-Галиевым, Шафиев вновь оказался востребован как связующее звено между мнимыми контрреволюционерами в России с одной стороны, и турецким посольством и тюрко-татарской эмиграцией, с другой. Еще один пример такой связи — история татарского художника Баки Урманче (1897–1990), также проходившего в качестве обвиняемого по делу султангалиевской организации.

Урманче познакомился с Шафиевым в 1921 и 1922 г. во время своей учебы в Москве.[68] Потом, уже из Казани, художник написал Шафиеву письмо с просьбой прислать ему краски, которые он не мог достать в советской России. Краски Урманче получил, но, как оказалось, не все. Тогда он письменно обратился с той же просьбой к жившему в Берлине Алимджану Идриси. В качестве платы Урманче обещал прислать литературу, издававшуюся в Казани.

Казалось бы, совершенно невинная вещь: художнику нужны краски, и он обращается к своему знакомому, часто бывавшему в Германии, с просьбой помочь в этом вопросе. Но при фабрикации дела тенденциозная интерпретация самых обычных действий и высказываний была одним из ключевых методов работы органов ОГПУ-НКВД. Просьба Урманче была охарактеризована в материалах следствия как «поручения… связанные с выполнением за границей», которые обвиняемый давал сотруднику турецкого посольства.[69]

К счастью для Урманче, он не обращался к Шафиеву и Идриси за материальной помощью. В таком случае ему могли предъявить гораздо более жесткое обвинение. Впрочем, в 1937 г. для того, чтобы вписать в протокол получение денег от иностранного шпона, уже совершенно не требовались какие-либо реальные факты. Это хорошо видно из дела татарского общественного и политического деятеля, языковеда Галимзяна Шарафа (1896–1950).

100 000 рублей для Г. Шарафа, Г. Губайдуллина и Дж. Валиди

Галимзян Шараф был арестован 23 марта 1937 г. Он обвинялся в том, что «являясь одним из руководителей организации “Идель-Уральские штаты”, вел организованную борьбу против советской власти за ее вооруженное

68 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 19. *Л.* 341.

69 Там же. Т. 1 *Л.* 99.

свержение и создание буржуазно-демократического татарского государства, как руководитель организации установил связь с иностранной разведкой и через агента Шафеева [так в документе. — Р.Б.] получил денежную помощь на контрреволюционную работу».[70]

Подробные сведения о якобы имевшей место преступной связи Шарафа с Шафиевым дал проходивший по этому же делу в качестве основного обвиняемого историк и писатель Газиз Губайдуллин (1887–1937). Губайдуллин был родственником Шафиева по его жене Амине.

Якобы еще в 1923 г. Шафиев признался Губайдуллину в том, что он турецкий разведчик и завербовал его.[71] В дальнейшем, когда Шафиев стал «резидентом немецкой разведки», ученый продолжил с ним сотрудничество. Якобы Губайдуллин сам предложил передавать через своего родственника Абдул-Хамида Казакова шпионские сведения для Шафиева.[72]

В 1929 г. Шафиев, по легенде следствия, дал Губайдуллину задание от немецкой разведки и Гаяза Исхаки создать националистические ячейки среди рабочих татар в нефтяной промышленности для проведения диверсионно-вредительских актов.[73]

Согласно показаниям Губайдуллина, Шафиев не скупился на средства на контрреволюционную деятельность. Кроме Г. Шарафа, деньги от Шафиева для проведения повстанческой контрреволюционной работы получали также Дж. Валидов, Б. Чобан-Заде, Х. Атласи и др.[74] Так, с 1929 по 1935 г. Г. Шараф вместе с Дж. Валиди и Г. Губайдуллиным якобы получили от Шафиева и Казакова 100 000 руб.[75]

Когда проводились допросы Губайдуллина и Шарафа, Шафиев уже давно жил в Берлине и не появлялся в Москве. Что касается другого «агента немецкой разведки» Абдул-Хамида Казакова, то он был расстрелян в феврале 1937 г. Он проходил по делу Идель-Уральских комитетов и обвинялся, помимо прочего, в том, что состоял в руководстве шпионско-диверсионной организации, работавшей в интересах Германии. Руководителем же организации, согласно материалам дела, был назван Абдурахман Шафиев.

Руководитель шпионско-диверсионной организации

Некоторые исследователи не совсем точно называют это дело «Делом ЦДУМ» или «Делом о заговоре руководителей ЦДУМ» (А.Б. Юнусова,

70 По обвинению Шараф Г. и др. (1937–1938) // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 8233. Архивно-следственные и фильтрационно-проверочные дела (1919–1956). Оп. 1. Д. 2-8883. Т. 5. Л. 88.

71 Там же. Т. 1. Л. 126.

72 Там же. Л. 127. Казаков был тестем Шафиева.

73 Там же. Л. 128.

74 Там же. Л. 130, 141.

75 Там же. Л. 145.

Ю.Н. Гусева, Ю.В. Ергин и др.). Изучая преимущественно материалы, связанные с Кашшафом Тарджемани (Тарджимановым) и Зией Камали, они пришли к выводу, что в центре внимания следствия было Центральное духовное управление мусульман России.[76]

В действительности же речь шла о большом сфабрикованном групповом деле «шпионско-диверсионной организации среди татар в СССР, созданной генеральными штабами иностранных государств».[77] По легенде следствия, это была всесоюзная организация, действовавшая в Москве, Ленинграде, Казани, Ташкенте и др. городах. В руководство московского центра входили бывшие купцы Газиз Яушев и Абдул-Хамид Казаков, а также имам-хатиб мечети в Замоскворечье Абдулла Шамсутдинов. Яушев и Казаков, в свою очередь, получали от Шафиева директивы и деньги на проведение шпионской и диверсионной работы в разных городах СССР. Другие члены организации якобы выполняли задания японской разведки и «татарской белоэмиграции» на Дальнем Востоке во главе с Гаязом Исхаки. Одной из долгосрочных целей организации было провозглашение независимого тюркского государства на Волге и Урале.

Перед Военной коллегией Верховного суда СССР 7–11 января 1937 г. предстало 28 человек, из них полностью оправдано было трое, пятеро приговорены к высшей мере наказания, остальные — к разным срокам заключения в исправительно-трудовом лагере и тюрьме.

Согласно материалам дела, некоторые из подсудимых были завербованы непосредственно Шафиевым. Другие были вовлечены в организацию Яушевым и Казаковым.

Как видно из материалов архивно-следственного дела, поначалу следствие оказалось в сложной ситуации. Шафиев был назначен руководителем или куратором организации. При этом в деле нет никаких указаний, что ОГПУ пыталось искать его. Как и в других упомянутых нами делах, Шафиев действует не напрямую, а через своих «сподвижников» в самом СССР. Однако оба представителя Шафиева в Москве отказались участвовать в организованном НКВД спектакле. Газиз Яушев, арестованный в Ташкенте в 1934 г., выбросился из окна во время одного из допросов. Абдул-Хамид Казаков, несмотря на применение к нему незаконных методов ведения следствия, последовательно отвергал все обвинения.

76 См., например: *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 1999. С. 170–190; *Ергин Ю.В.* Зия Камали — основатель медресе «Галия»: трагические 30-е годы // Бельские просторы. 2011. № 7. С. 145–160 и др.

77 В следственных документах можно встретить три варианта названия архивно-следственного дела Р-24811: «Дело Тарджиманова К.К., Шамсутдинова А.Х., Казакова А.Ш. и др.»; 2) «Дело о шпионско-диверсионной организации среди татар в СССР, созданной генеральными штабами иностранных государств» и 3) «Дело Идель-Уральских комитетов». Последнее название является полуофициальным, но поскольку оно в полной мере отражает основное содержание предъявленных в ходе предварительного следствия и на суде обвинений, в дальнейшем для удобства я буду использовать его.

Против Казакова и Яушева говорила их незаконная, с точки зрения законодательства того времени, коммерческая деятельность. Оба, бывшие купцы, в годы НЭПа занимались разного рода бизнесом. В 1930-е годы основным источником их дохода была нелегальные валютные и иные операции. Яушев неоднократно арестовывался, но всякий раз, сдав валюту или золото, освобождался. Судя по материалам следствия, во время одного из таких задержаний или арестов Яушев был завербован ОГПУ.[78] Однако он не захотел играть роль руководителя не существующей контрреволюционной организации. Возможно, ему был обещан в случае сотрудничества со следствием мягкий приговор.

Казакова тоже изначально арестовали в связи с валютными операциями в Ташкенте. Скрывая во время первых допросов, с какой целью он ездил в Узбекистан, Казаков дал следствию возможность уличить себя в неискренности. В дальнейшем следователь, опираясь на это обстоятельство, указывал на недостоверность других показаний Казакова.

К середине 1930-х гг. механизм фабрикации дел органами НКВД был уже отлажен. Руководивший бригадой следователей бывший портной из Бобруйска Яков Самуилович Айзенберг стал к тому времени крупным специалистом по «татарским контрреволюционным националистическим организациям». Разными способами следователи вынудили других обвиняемых по делу подписать ложные показания, уличающие Яушева и Казакова. В каком-то смысле мертвый Яушев оказался даже удобнее следствию, чем живой. На него можно было свалить разные преступления, приписать ему любые слова, произнесенные якобы в разговорах с обвиняемыми. В показаниях последних указывалось, что Казаков или Яушев, вербуя их, сразу раскрывали все карты: называли имена участников подпольной организации, рассказывали о том, что деньги на ведение шпионской и диверсионной работы поступают от Шафиева. Кто-то из подследственных утверждал, что его или ее завербовал сам Шафиев (Мирза Ерзин, Фатима Дашкина и др.). В особенности, следствию помогли показания имама Абдуллы Шамсутдинова. Он подписал все предложенные следователем показания.[79]

В дальнейшем, во время судебного заседания, несколько подсудимых отказались от данных под давлением следователей показаний. Но это уже не имело значения для суда. «Руководители» московского центра Казаков и Шамсутдинов были приговорены к высшей мере наказания.

Имя Шафиева не раз упоминалось на суде, но никто из подсудимых не задавал вопрос: почему Абдурахман не находится среди них. Не звучал такой вопрос и в отношении другого человека — Эмины Акчуриной (1895

78 Дело о шпионско-диверсионной организации среди татар в СССР, созданной генеральными штабами иностранных государств // Центральный архив ФСБ. Д. Р-24811. Т. 34. Л. 232.

79 Там же. Т. 2. Л. 20об.

или 1897–1937), представительницы известной купеческой фамилии из Симбирской губернии. По частоте упоминаний ее имени в материалах дела она не уступала Шафиеву.

Акчурина с 1923 г. работала в турецком посольстве в Москве сначала в качестве машинистки, а затем еще и секретаря. Иными словами, она была идеальной мишенью для ОГПУ, во-первых, как советская гражданка, работавшая в иностранном диппредставительстве,[80] во-вторых, — как коллега Шафиева.

Акчурина, подобно Шафиеву, неоднократно фигурирует в показаниях лиц, проходивших в качестве обвиняемых по делу султангалиевской организации и по делу Идель-Уральских комитетов. В деле султангалиевской организации имеется записка начальника Восточного отдела ОГПУ Т.М. Дьякова заместителю председателя ОГПУ С.А. Мессингу: «Показаниями Султан-Галиева от 21-22/XII-29 г. подтвердилась шпионская деятельность сотрудницы-машинистки турецкого посольства, гражданки СССР Акчуриной Эмины Ибрагимовны… Докладывая о вышеизложенном, прошу вашего распоряжения на производство обыска и ареста Акчуриной Эмины Ибрагимовны».[81] Согласие Мессинга было получено.

В деле Идель-Уральских комитетов, по легенде следствия, Акчуриной была отведена важная роль связной московского центра с Шафиевым.[82] Согласно показаниям Фатимы Дашкиной, бывшей жены Султан-Галиева, Акчурина якобы получала через Дашкину «шпионские материалы от контрреволюционной организации татар» и пересылала их Шафиеву в Берлин.[83] Подобные же сведения содержались в протоколах допросов других подследственных.

Однако фамилии Акчуриной нет среди обвиняемых или хотя бы свидетелей ни по делу султангалиевской организации, ни по делу Идель-Уральских комитетов. Что же помешало привлечь ее к ответственности уже в 1930-м г., когда имелось недвусмысленное решение руководства Восточного отдела ОГПУ об аресте Акчуриной? Получается, оперуполномоченный Яков Айзенберг выпустил находившуюся у него в руках еще в 1930 г. турецкую и немецкую шпионку и позволил ей еще

---

80 ОГПУ проявляло живой интерес к сотрудникам иностранных дипломатических миссий и всеми правдами и неправдами стремилось вербовать их. Об этом, в частности, подробно написано в мемуарах бывшего посла, чрезвычайного посланника и полномочного министра Латвии в России Карлиса Озолса: *Озолс К.В.* Мемуары посланника. Париж: Дом книги, 1938. С. 174–193, и др.

81 По обвинению Султан-Галиева М. Х.-Г. и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 4. *Л.* 206. В копии процитированного выше документа отсутствует точная дата, указаны только месяц и год: январь 1930 г.

82 Дело о шпионско-диверсионной организации среди татар в СССР, созданной генеральными штабами иностранных государств. *Д.* Р-24811. Т. 32. *Л.* 4.

83 Там же. *Л.* 10 об.

семь с лишним лет вести свою работу?[84] При этом, в отличие от того же Шафиева, уехавшего за границу, Акчурина все время находилась в Москве и продолжала работать в турецком посольстве.

Имеющееся данные показывают, что Акчурину действительно арестовали в январе 1930 г., но после согласия сотрудничать с ОГПУ она была освобождена.[85]

В архивно-следственных делах можно встретить и другие примеры, когда лицо, названное в материалах следствия руководителем организации, группы или кружка, не фигурирует в качестве обвиняемого или свидетеля. Иногда без объяснения причин, иногда встречается формулировка, что этому человеку удалось скрыться.[86]

Вполне вероятно, что и с Шафиевым все проходило ровно по такому же сценарию. Рассматривая ту роль, которую играл в процессах конца 1920-х — начала 1930-х гг. этот человек, мы можем выдвинуть гипотезу, что он как минимум с 1928 г. работал на ОГПУ. Если дело, по которому Шафиев изначально был арестован, квалифицировалось как чисто уголовное (например, связанное с его коммерческой деятельностью), то материалы его не сохранилась. Если же дело было политическим, то вполне возможно, что в Центральном или одном из региональных архивов ФСБ хранятся письменные свидетельства встречи или встреч Шафиева с сотрудниками ОГПУ.

Финал

Судьба Абдурахмана Шафиева — это не только яркая история человека с авантюрным складом характера, активно сотрудничавшего с органами власти в двух тоталитарных государствах и сумевшего уцелеть.

Биография Шафиева помогает нам лучше понять механизмы репрессий против национальных меньшинств в СССР в 1920–1930-е гг. и методы фабрикации групповых политических дел в рассматриваемую эпоху. Яркой приметой дел, в которых упоминалось имя Шафиева, было отсутствие на скамье подсудимых либо одного из ключевых участников разоблаченной «организации», либо одного из ее руководителей. Во всех рассмотренных в этой статье делах мы видим не реального человека, пусть и через кривую оптику его архивно-следственного дела, а его вымышленный

84 Акчурина была арестована только в сентябре 1937 г.

85 Renat Bekkin, "The Espionage Activities of an Embassy Typist: The Fate of Secret Collaborator Emina Akchurina," in T. Vagramenko and N. Beliakova, eds., *The Lives of Soviet Secret Agents: Religion and Police Surveillance in the USSR* (Bloomsbury Publishing, 2025), pp. 260, 271.

86 Например, Мухамет Файзуллин, один из руководителей мнимого антисоветского студенческого кружка в Казани, был отмечен в материалах дела как «скрывшийся от следствия» (По обвинению М.Х. Султан-Галиева и др. (1928–1930). *Д.* Н-6169. Т. 1. *Л.* 137). Султан-Галиев подозревал Файзуллина в работе на ОГПУ.

образ — результат совместного творчества следователей и некоторых подследственных.

Пытаться реконструировать биографию Абдурахмана Шафиева на основе материалов архивно-следственных дел, в которых нет ни одного протокола допроса этого человека или какого-либо документа, написанного или хотя бы подписанного им, — задача не из легких. Тем не менее, мы можем извлечь из показаний, где упоминается Шафиев, ряд фактов его биографии, которые подтверждаются документами из других источников.

В то же время, говоря о таком важном эпизоде биографии Шафиева как его отношения с ОГПУ-НКВД, мы можем только выдвигать гипотезы. На наш взгляд, существует четыре варианта (сценария), объясняющие, почему Шафиев так и не оказался в числе обвиняемых ни по одному из рассмотренных нами дел 1920–1930-х гг.

1) Он был арестован, но его дело было выделено в отдельное производство.

2) Он был арестован, но дело прекратили за недоказанностью.

3) Он был задержан, затем завербован в качестве секретного сотрудника ОГПУ и освобожден.

4) Еще до первого дела он работал секретным сотрудником ОГПУ.

И в первом, и во втором случае должны были сохраниться материалы допросов, анкеты или другие «следы» в основном деле (султангалиевской организации или Идель-Уральских комитетов). Но ничего подобного мы не видим. Шафиев не был арестован. Таким образом, мы имеем дело с третьим или четвертым вариантом. В пользу четвертого варианта говорит тот факт, что в материалах дела султангалиевской организации, в т.ч. в упоминавшемся выше «Плане составления обвинительного заключения», Шафиев не упоминается вовсе.

Если в 1928 г. он действительно выехал за границу с заданием от ОГПУ, то арестовывать его, даже просто задерживать, было нецелесообразно и даже опасно для его легенды как разведчика. Таким образом, Шафиев был завербован либо до 1928 г., либо в самом 1928 г., незадолго до своего отъезда за границу. Дело султангалиевской организации было начато в ноябре 1928 г., а сам Султан-Галиев арестован 12 декабря того же года. Был ли Шафиев завербован до начала производства по делу или во время следствия, для целей нашего исследования не столь важно.

Шафиев мог выполнять как внутриполитические задачи (контролировал связи Султан-Галиева и его сподвижников в СССР с турецким посольством и тюрко-татарской эмиграцией в Турции и Германии), так и внешнеполитические (осуществлял контакты с известными эмигрантами). В деле Идель-Уральских комитетов ставки повысились: Шафиев уже выступает в роли руководителя не существующей шпионско-диверсионной организации, работавшей на Германию.

Остается только гадать, было ли это сотрудничество вынужденным или добровольным. Шафиев вполне мог осознанно пойти на него, чтобы обезопасить себя и своих близких от ареста. При этом он мог вести свою игру, используя ОГПУ и свое положение в личных интересах. Шафиев мог умело продать себя как незаменимого человека, имеющего хорошие связи с тюрко-татарской эмиграцией в Турции, Германии и других странах. Он был удобен ОГПУ-НКВД и тем, что не нуждался в деньгах, а мог сам содержать себя и оказывать помощь своим землякам за рубежом.

Что касается поводов для ареста и последующей вербовки Шафиева, то их у ОГПУ еще в начале 1920-х было предостаточно. Бывший подданный Российской империи, работавший в турецком посольстве и занимавшийся сомнительными коммерческими делами, Абдурахман был практически идеальным кандидатом на вербовку.[87]

Возможно, частью сделки с ОГПУ стало согласие Шафиева на использование его имени в деле султангалиевской организации. Среди обвиняемых были как классовые враги купца Шафиева — коммунисты, так и хорошие знакомые и партнеры по бизнесу, например, Заки Валиев. По делу Идель-Уральских комитетов проходили не просто близкие знакомые Шафиева, но и его родственники. Так, одним из обвиняемых, соруководителем мнимой шпионско-диверсионной организации был Абдул-Хамид Казаков, тесть Шафиева. Его расстреляли вместе с четырьмя другими фигурантами дела, включая муллу Абдуллу Шамсутдинова.

Быть может, именно дело Идель-Уральских комитетов послужило для Шафиева поводом для прекращения сотрудничества с советскими спецслужбами. Нельзя исключать и обратного: возможно, как раз потому, что Абдурахман отказался продолжать работу с ОГПУ, из абстрактного турецкого шпиона он превратился в руководителя всесоюзной шпионско-диверсионной организации, а его родственники подверглись репрессиям.

Когда и при каких обстоятельствах прекратилась связь Шафиева с ОГПУ, сказать сложно. При утверждении Шафи Алмаса на должность руководителя комитета «Идель-Урал» немцы проводили проверку и при малейших подозрениях на связь с большевиками его кандидатура

87 Вполне возможно, что ключевую роль в судьбе Шафиева сыграл эпизод с контрабандой в 1926 г. Нельзя исключать, что Иностранный отдел (ИНО) ОГПУ помог ему выпутаться из этой непростой ситуации, грозившей Шафиеву уголовным преследованием. Но здесь мы погружаемся исключительно в сферу догадок и предположений.

была бы отклонена, а сам он подвергся бы аресту.[88] Тем более, что в среде тюрко-татарской эмиграции в Германии у Шафиева было немало противников, которые обязательно подняли бы этот вопрос.

Но на кого бы ни работал Шафиев, он никогда не забывал вести свою собственную игру. И вполне успешно, если сравнивать судьбу Абдурахмана с судьбами его родственников и друзей. Шафиеву не пришлось прыгать из окна во время допроса как Газизу Яушеву, его не расстреляли как Абдул-Хамида Казакова, он не оказался в лагере как военный преступник.

Примечательно, что военным преступником в СССР Шафиев так и не был признан. 23 июля 1952 г. по приговору военного трибунала Приволжского военного округа Шафи Алмас был осужден за пропаганду и агитацию, содержавшие призывы к свержению советской власти, на 25 лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. Иными словами, ему не инкриминировалось руководство эмигрантской антисоветской организацией, которая вела вооруженную борьбу с СССР и совершала военные преступления на его территории. На основании указа Президиума Верховного совета СССР от 17 сентября 1955 г. срок наказания был снижен до 10 лет.[89]

Шафиев, возможно, так и не узнал о приговоре военного трибунала, а указ Президиума Верховного совета уже не застал его в живых. В 1954 г. Шафи Алмас скончался в своем доме в Стамбуле.

---

88 О политических взглядах Шафиева в первой половине 1930-х гг. отчасти может говорить цитата из письма его жены Амины, адресованного ее отцу Абдул-Хамиду Казакову. Само письмо отсутствует в деле Идель-Уральских комитетов и в протоколе допроса приводится перевод небольшого фрагмента: «Мой муж очень любит Гитлера и восхваляет его. Он находит правильными его мероприятия» (*Дело* о шпионско-диверсионной организации среди татар в СССР, созданной генеральными штабами иностранных государств. *Д.* Р-24811. Т. 9. *Л.* 41).

89 *Ямпольский В.П.* Мусульманская плаха для России // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 31.